

Мы бежали по лугу, шутили и хохотали. Вскоре мне перестало так казаться. Я подхихикнула, Алина сказала, что это у меня нервное. Она попросила открыть глаза и вернуться в реальность – вот от кого этой фразы точно нельзя было ожидать. Я даже не помню, над чем я смеялась. Наверное, это стресс, давящая сверху плита, будто я потерялась в темном больничном коридоре без фонарика. А всюду бегают монстры. Как в том фильме, да.

Поздно вечером мы с Алиной покидали все свои помады в сумки и поехали к ее другу. Она мне утверждала, что

у него можно хорошо расслабиться, а именно это мне сейчас было необходимо. Вибрирующие светом киоски, прибедняющиеся в свете больших магазинов, раздутых чувством собственной важности, улыбающаяся бледно-желтым грязь и фонари-космонавты – все улетело мимо трамвайных окон по своим овечьим делам. Странно было сознавать, что завтра у меня своих овечьих дел не будет. У всех они есть, а у меня уже нет. С этими мыслями, восторгаясь чувством своей никчемности, я все сильнее царапала свои руки, пока Алина не хлопнула меня по ладоням. Сестра сказала, что мы едем в никуда и выглядеть должны подобающе. На мой вопрос: «Как именно?» оскалилась тишина.

Друг Алины жил в низине города, в дачном поселке около трассы. Это место было замороженным, как она рассказывала. Там никогда ничего не случалось, даже простой соседской ругани слышно не было. Среди мировой усталости здешние люди были норвежцами. Или просто замкнутыми в своих делах настолько, что не было ни сил, ни времени гадить другим.

Сестра повторила мне его имя раза четыре точно, но запомнила я его, когда он вышел нас встречать, прошлепал в зеленых сланцах по первобытной грязи: Володя. Он причмокнул и улыбнулся. У Володи передние зубы были с гнильцой. Пока мы пробирались по узкой тропинке к дому, я шепнула Алине, что мы тут не позднее двенадцати. Она лишь кивнула, а это значило, что мы тут, пока Алина не захочет домой. «Я устала», – сказала я. Алине все равно. Алине безразлично. Алине по фигу. «Воздух у вас чистый, несмотря на то, что трасса рядом», – обратилась я к Володе. Он причмокнул и улыбнулся. Мне пришлось тоже губы кривить.

Мои ожидания кошмара не оправдались. Комната в доме была неестественная, но аккуратная. На половом

коврике зеленой гуашью – SMOKE. То же слово было написано и на стене напротив входной двери. Мы с Алиной разулись и надели зеленые пляжные сланцы, они были из некомфортных, пластмасса посередине натирала между большим пальцем ноги и указательным. Я подумала, что нельзя покупать такие сланцы, когда едешь на море. Эта пластмасса будет втирать тебе мысли о неудобствах, оставленных где-то в холодной Рашке.

Эта пластмасса. Эта пластмасса была зеленой. Мне импонировал зеленый. А в комнате было много зеленых вещей. Длинношерстный ковер, ниточки из которого кошка старательно выдирала и учила этому двух пушистых комочков. Сестра даже взвизгнула от прилива милоты, когда увидела бесящихся котят. Диван был с зеленой жженой обивкой. На пододвинутом к столу кресле лежало зеленое полотенце. Оно несло крест быть подстилкой под пятую точку.

Меня удивило, что на стене рядом со словом SMOKE были прикреплены зеленые пластиковые тарелки. Они висели в три ряда, по пять в каждом. Некоторые чистые, а на остальных были нарисованы черным маркером обычные вертикальные палочки, будто хозяин дома вел счет. Может, баб считал. Или выигрыши в ка-эс.

Больше всего в друзьях Алины меня бесила непонятность, они вели себя по-дебильному, а жили и вовсе сверхъестественно. К тому же в своих речах они творили разгерметизацию логики, я часто не могла уловить смысл проговариваемого. Порой меня накрывала мысль, что они прячут от меня важную идею, а делают это потому, что либо мне не до конца доверяют, либо считают недостойной. Я же считала себя достойной и доверия, и достоинства, но все равно бывало приторно горько.

Они все были туманными, поскольку ежедневно пытались перепрограммировать свою психику с терзания

на наслаждение. Одни химичили, другие поддерживали идею о натуральном кайфе. Низкоамбициозные мальчики и девочки блуждали в кустарных садах своего ягодного рассудка, чаще не находя там плодов. Черника размазывалась, она пачкала пол, пачкала перегородки между отсеками мозга... Черника похожа на пульсирующие венки, которые синеют, когда перехавала флу, когда ночью не спишь, когда тремор, Алина тогда пыталась заменить соль, но сделала только хуже; я потом выкинула ее таблетки, да сколько можно уже, Алина, возьми себя в руки, хотя бы в мои...

Алина со всей силы хлопнула меня по руке, я от неожиданности подпрыгнула на диване. Подумала, что надо прийти в себя, расплылась в улыбке, попросила чай. Володя сказал, что чая нет, только сок и кола, но он может еще достать из подпола компот. Не, не надо. Изысканный шутник по имени Андрюша сказал, что чифиристов тут не любят. И заржал чуть громче соседской дрели. Моя сестра решила поддержать его стремление быть забавным... Тогда чуть подсоленной воды.

Володя улыбнулся и причмокнул. Это его смакование момента на все сто подходило к его пухлой внешности, он весь напоминал панду за процессом поедания бамбука. Такие неуклюжие толстяки вызывали во мне чувство умиления и материнского сострадания, мне хотелось затискать его до смерти, но одновременно и отобрать его любимые плюшки. Сынок, надо меньше жрать. Тебя не будут любить девушки. Ты станешь ботаном-программистом с комплексами. Потом комплексы начнут жрать тебя... Володя не парился, у него никто не отобрал плюшки.

Володя сказал:

– Знакомь, Алина.

Алина промычала в ответ невнятное.

– Я Андрей. Ты Наташа, так? Мне Алина говорила. Поэтому знаю. А с Володькой мы давно. Как дела, Наташа? – спросил Андрюша.

– Мы год знакомы с тобой, – ответила я.

Андрей сказал:

– Неожиданно.

Алину прорвало:

– Володька, мы приехали кайфануть. Наташу сегодня уволили с работы, где она горбатилась... Сколько, ватрушка? Да, два года... Если бы ее не уволили, никогда бы ты сестру мою не увидел, ноги бы ее тут не было, да, ватрушка? Поэтому давай без вот этого всего, ставь шарманку, компот доставай, будем наслаждаться этой тухлой жизнью... И че у тебя так холодно, не топят?

Володя сказал:

– Сам себя не топлю.

– А зачем ты воду соленую пьешь? – спросил меня Андрюша.

– Зарабатываю камни в почках. Говорят, потом продать можно.

Мне было не смешно, а Андрюша адски загоготал. При всей поразительной Андрюшиной бестолковости лицо у него было настолько благородным, будто он происходил из какого-то именитого рода герцогов, известных своим бескорыстием и честностью. Отец Андрюши расстался с его матерью, потому что они не поделили дорогую софу с тигровой обивкой. Мне было без разницы, насколько правдива была эта история. Я знала, что Андрей в тот момент решил уйти ото всех богатств и опуститься на дно, да на такое, где плавают виды рыб, еще неизвестных человечеству. Думаю, вместе с Андрюшей можно было опустить парочку ученых.

Хотя он свел бы их с ума своим гоготанием. А еще Андрюша любит травить байки про бомжей... Пока что я не

бомж, но без работы можно приклеиться к этой касте года за три. При усердных стараниях.

Я сказала сестре:

– Напомни мне оплатить коммуналку за три месяца вперед.

– Ага. Володька, а зачем тебе пушистики?

Володя ответил:

– Этих можно продать тыщ за десять каждого.

– Какая порода? – спросила Алина.

– Хайленд-страйт. Шотландская прямоухая.

– А где Дженис? Я хочу Наташе показать.

Володя ушел в другую комнату, что-то нашарил, при-тащил нам красивую собаку породы корги. Восторгу сестры не было предела. Я не любила собак. Она загра-бастала Дженис себе, кружилась с ней на месте, пригова-ривая: «Маленькая бессовестная любимая пельмешка!». За все детские реакции моей сестры мне становилось стыдно перед людьми, я переглянулась с Володей, тот улыбнулся, Андрюше было вообще не до этого: он что-то искал в ящичке стола. Пришлось и мне успокоиться.

Наконец Андрюша нашел, что искал. Он извлек из утробы ящичка ржавую большую банку из-под «Московского» кофе, пододвинул к дивану журнальный стол и с восторгом водрузил ее на него. Что это, господи. Напоминает шаманские игры. Теперь мы будем танцевать с бубном вокруг банки и воспевать растворимый кофе? Алина дала Дженис свободу, хлопнула ее по попе и опустилась на колени рядом с журнальным столом. Володя улыбнулся и причмокнул, отодвинул одну из зеленых пластиковых тарелок, из углубления в стене достал зип. Пакетик был полон бошек.

Я спросила:

– А банка зачем?

Алина ответила:

– Чтоб ты задавала глупые вопросы.

– Через нее, – сказал Володя.

– Понимаешь, она потом такая вся прокуренная, мы соскребаем внутренности и курим их. От них жестче кроет. Они на жести оседают, – пояснил Андрюша.

Алинина любимая пельмешка крутилась у меня под ногами. Я подумала, что у меня с Алиной общего... Ничего. Ровно ничего общего. Подобно банке, на жести внутри Алининой головы оседала пыль семнадцати лет. Она навсегда осталась в угарной комнате, где свет извне схватывала только свободная от штор оконная полоска.

Зелень сыпалась сверху на банку, где были сделаны узкие дырочки. Внизу на стенке отверстие побольше, куда вставлена пластиковая трубочка. Коктейльная трубка. У нас вечеринка олл инклюзив, выжимающая соки из твоего сознания. Володя сказал вдыхать. Вдыхаю как могу, потом кашляю, Андрюша смеется. Я думала, какого черта он так надо мной смеется, потом поняла, что он ржет просто так. Я хочу смеяться так же. Я хочу смеяться, будто у меня за душой нет ничего. Будто там просто пустота, просто пустота, а не тягостная неопределенность с мраком.

Рыбы, глотайте ртом дым. В комнате нечем дышать. Алина напротив сладко улыбается, Андрюша улыбается кисло, а Володя – горько. Они смеются.

Володя сказал:

– У меня такой план... Я подумал, что лучше, лучше...

Он прерывался диким хохотом, речь прерывалась бешеной веселостью, он не мог довести мысль до конца, она съедала сама себя до того, как появлялась на свет.

Десять минут, пятнадцать минут, двадцать минут прокатились мимо меня яростным гоготом. Почему же мне тоскливо так? Я потеряла работу. Нам не на что будет жить. Рано или поздно нас выгонят из квартиры. А раньше – выключат свет. Запустят крыс. И тараканов. Чтобы мы сами

ушли. Крыс? Тараканов?.. Я попросила Володю сыпануть еще.

Алина, сквозь смех:

– Хватит ей.

Сестрина фраза в голове повторилась эхом. Я беру банку в руки. Так приятно держать ее. И дым кажется цельнозлаковым. Мне нравится, что я больше не кашляю.

Я спросила:

– А тарелки зачем?

Володя ответил:

– Это? Это синтоизм. Это буддизм. И даосизм. Сколько я... В общем, сколько я раз туда попал.

Я спросила:

– В религию можно попасть?

– Вляпаться. Да, – сказал Володя, опустил голову на диванную спинку.

Я же знала, я же знала, что все Алинины друзья алогичные. В журнальном столе было что-то интересное, красное с биением блеска, или просто мои глаза создавали прекрасное, я думала, что хочу сделать этот процесс долговременным, в жизни так мало прекрасного... Превосходного, красивого, желанного.

Тут меня охватила космическая глупость, и я захохотала поганно и громко, чуть сама не оглохла от счастья. Какая прекрасная вещь, смеялась я, какая она забавная! Взяла в руки красную штукину, та хотела меня заблестить, потом утечь, я знала, но мне сильно хотелось сохранить ее изящную наготу у себя в ладонях... Наташа, это степлер. Положи на место. Алина, зато он красненький. Как нос Деда Мороза. Как рябина осенью. Икеевский плед у нас дома, флакон духов сестры, старая бабушкина сумка. Не хочу думать о бабушке. Сейчас не хочу. На работе красная папка. Над ними всеми надо посмеяться, они жалкие, а я, а я работала здорово, здорово...

Потом я решила, что диван для смеха – место неподходящее, сползла на пол, там лучше. Мне советовали не ложиться, но так же лучше. Дженис такая мягкая, как я раньше этого не замечала. Пол деревянный, безмолвный. Он интересный. Смех бросил меня. Я улыбнулась и закрыла глаза.

Поцелуй полнотелый, я поправляю платье, оно утекает складками на золотой пол. Я говорю, что отойду припудрить носик и сладко улыбаюсь, чуть не смеюсь от блаженства. Вокруг кротость, много столов, люди пришли за красотой. Дамы ломают руки, чтобы принять более элегантную позу. Они все раскладываются на золотые частички. Серьги и колье, браслеты и диадемы. Везде золото, и я... Я золотая. Пол золотой. Проплываю меж столов, усыпанных цветами, там и мой стол тоже. С моим полнотелым поцелуем, голубиным, нежным. Проскальзываю в дверь уборной. А где, где мое платье?..

Бабушка, родная, почему ты тут?.. Тебе нельзя сидеть на сквозняке. Я вижу убогую комнату в деревенском доме, тут нет жизни. Бабушка, тебе тут не место. Газеты шныряют по полу, норушки, уносятся в открытую дверь, в открытую форточку. Я их не ловлю, мне не нужны они, мне не нужен мусор. Я хочу уйти, забрать бабушку с собой. Тебе нельзя сидеть на сквозняке. Она просит сходить покормить собаку. Я слушаюсь, выхожу во двор. Вокруг сырость, пол затоплен, газеты везде, поплывшие заголовки. Я подняла одну, не могу ничего разобрать. Отчего-то смеяться хочется... Во дворе Тобик, иди сюда, иди, хороший. Боже, да он весь седой. Шерсть будто покрасили. Ты же был чернышом, нет? Мельком припоминаю, что я его боюсь. Он меня укусил. Но теперь он боится сам, он смотрит, смотрит, смотрит куда-то. Да куда же. Потом подходит, и я понимаю, что сейчас он умрет на моих руках. Мне становится страшно, я хочу отвести

Тобика в тот зал, где много мягкости и золота. Он скулит. Воет. Хочу просто уйти.

Захожу обратно в дом, я дезориентирована, мне хочется смеяться или выть – этого я тоже не пойму. Бабушка, мне кажется, Тобик умрет. Бабушка отвлекается от ловли газет. Ее взгляд соленый, землистый.

Бабушка говорит:

– Ничего на обед не получишь, если не найдешь Алину.

Я не нахожусь с ответом сразу, потом:

– Мы же сестры, бабушка.

Я ухожу куда-то, там был наш чердак. Кричу: «Алина! Алина, Алина, Алина!»

Пахнет жженым. Ручка от двери чердака упрямится, она холодная, пальцы болят. Это не наш чердак, но мне нравится. Я попала в утробу мира, останусь тут. Комната обита розовыми пульсирующими венками, а в углу сидит Чума. Я знаю ее по имени, я не понимаю ее облика. Посередине стул, я встаю на него. Повторяю громко-громко, постепенно ускоряясь: Алина. Алина. Алина. Алина. Алина. Алина. АлинаАлинаАлинаАлинаАлинаАлинаА-А-А-А.

Натаха. Натаха. Мне уже не смешно, кто-то произносит мое имя.

Андрюша, наклонившись надо мной:

– Натаха, Натах, тут с Алиной че-то. Не спи, а. Слышишь?

Не сразу схватываю, где нахожусь, но встаю с пола. У Андрюши красные глаза. Володя так и сидит на диване, опустив голову. Алину колотит в истерике, она то бормочет, то ревет. Дыхание перехватывает. И снова, снова.

Алина, из внятного:

– Я хочу снова... рукой эту лейку, зеленую лейку с красным... скажите мне, почему я не могу, не могу, не могу этого... почему не могу взять рукой... ее... оранжевые... приятно... закат и солнце... почему почему почему почему почему...

Заревела, после:

– Бабушка всегда говорила поливать грядки, а я не делала, почему, почему сейчас только... это так... всегда Наташа одна делала... я хочу лейку, цветение в садке... мальчишек... через забор.

Я опустилась рядом с Алиной на колени, обняла ее:

– Я здесь.

Алина ответила:

– Тут.

И заревела – как слониха, потерявшая ребенка.

Я сказала ей:

– Ребенок, пойдем дышать.

Мы вышли с ней на крыльцо. От ее красивых помадных губ, черничных обведенных глаз и румяных щек не осталось и следа. Лицо сестры начало стекать с черепа вниз, это выглядело жутко, но меньше любить ватрушку я не стала. Бывало всякое.

– В нигде люди именно так выглядят? – спросила я.

– Заткнись, пожалуйста. Неспециально.

Алина закурила благовонную палочку «Кисс-десерт» с душиливым конфетным табачком внутри. Мне было так жалко ее. Моя дурочка хотела посмеяться и кайфануть, а в итоге наревелась вплоть до третьей мировой.

Я прошептала:

– Смоук.

В небе мерзли белые зайчики. Их обнимали синие волки. Кучные полнотелые волки. Я вспомнила про зеленый поцелуй. Один из зайчиков подмигнул мне.

Алина прошептала:

– Зайчики.

Я улыбнулась, утвердительно кивнула.

– Наташ, поцелуй меня, – попросила сестра.

– Зачем?

Она затаилась, выпустила едкость, потом ответила:

– Мне страшно. В губы.

Стало неудобно, будто рядом не Алина, а Чума.

Я сказала:

– Надо бросать тебе.

– Мне кажется, сестры целуются лучше любовников.

Мне кажется, пора копить деньги на ее госпитализацию. Мне кажется, ей нужен покой. Мне кажется, ее все достали. Мне кажется, скоро ее достанет Чума... Меня никто не учил произносить мысли вслух. Это птички, не желающие покидать клетку. Алина не ляжет в больницу, она не сможет отказаться от мира, который она сглатывает с каждой таблеткой, вкушивает с каждым косяком, снюхивает с каждой дорогой. Мне было тяжело ее тащить, а ей было вдвойне тяжелее просто жить. И неясно, кого из нас двоих тоска охватила больше.

Я выдохнула:

– Нафиг иди.

Убитый огород. Все, что нужно было Володе для жизни, росло внутри дома, подальше от чужих глаз.

Я спросила:

– А что Володя ест?

Будто не слышит.

– Наташ, – Алина замерла, уставилась в дрему сада.

– Ага.

– Там кто-то есть, Наташ, – Алина пальцем показала, – заморозь ее. Заморозь же ее, черт побери!

Алина заплакала, я ее прижала к себе, Алина, Алина, все, хватит, пора завязывать, там никого нет. Она резко остановила слезный поток, и:

– Ты права. В дом.

Внутри зеленый забеременел салатным. Глаза отвыкали от сумрака крыльца. Володя очнулся, Андрюша не заснул, они улыбались. Мы с сестрой сели к ним на диван.

Андрюша сказал:

– После бошки можно и по плюхе.

Алина пасанула, я тоже. Но Андрюше надо было хоть что-нибудь получить:

– Алинка, может, амур?

Это было противнее всего, что я когда-либо слышала. Моя голая ступня очутилась в кадке, полной червей. Указательные пальцы обеих моих ладоней засунули в ноздри противным старикам. Я ненавидела неприкрытую похоть. Ситуация не располагала, так какого же черта ты так открыто пристаешь к моей сестре... Может, я ее ревновала. Может, я ревновала любовь своей сестры.

Алина ответила:

– Иди ты.

– Натах, может, ты тогда? – Андрюша премерзко мне подмигнул. Как-то технично, будто это не его глаз и не его веко. Вот он, киберпанк, который мы заслужили. Возвышенные вещи мы доводим до статуса привычки и успокаиваемся в своем болоте.

Всегда так. Мне достаются остатки. Тот фен, что не захотела Алина, снюхаю я. Того мужика, что не захотела Алина, затащу в койку я. Ту шмотку, что Алина больше не хочет носить, буду дотаскивать я.

Я ущипнула Алинку за ляжку. Мне хватило. Хотелось туда, где есть чай.

Андрюша что-то заподозрил, поэтому заактивничал:

– Девчонки, ну че вы, в самом деле...

Он повис над нами, начал расстегивать ширинку.

Сестра шепнула мне:

– Рванули.

Долго ждать меня не надо было. Я подбежала к вешалке, схватила свои сапоги и пальто, выплыла наружу на волне неприятия и авантюризма, который остался от травяного прихода. Алина догнала меня за пределами Володиного участка, она даже не потрудилась переодеть обувь, забрала только куртку.

Она сказала:

– В сланцах че-то холодно, погнали быстрее.

– Твоя куртка шевелится, – ответила я ей. – У тебя живая опухоль.

– Котенок стоит дороже моих рваных кроссовок.

Я сказала:

– Ватрушка.

Под курткой у нее был пушистый комок, малыш не плакал, только удивленно таращил маленькие глазки.

Алина недовольно пробурчала:

– Сама ты ватрушка. Холодно.

Двое зеленых даже не собирались нас догонять. Наверное, весь Андрюшин пыл остыл с новым приходом.

– Мы никому не нужны, – сказала сестра.

– Больно надо.

Мы сами себе создали приключение, будто в детстве. Будто бабушкин садок и зеленая лейка. Я тоже скучала, вспоминала, но наши с Алиной две громадные боли плыли параллельно друг другу. Мы ни разу не обмолвились, будто нам плохо. Каждая переживала разрыв самостоятельно, один на один с собственной Чумой.

До дома мы добрались быстро, я просто вызвала такси, предварительно сказав Алине, что это последний раз, что мы больше не сможем себе позволить. Кроме твоей любви у меня ничего больше нет – Алина.

По пути заехали в магазин, единственно работающий, купили Вискас для котят. Я знала, что, наверное, этим котят кормить нельзя, это как бичпак для человека. Но зоомагазины уже не работали. Малютка будет рад хоть чему-то.

А что, если бы родители остались живы, они бы по-другому, да, они бы по-настоящему, а мы плохие дети, да, мы плохие заменители их генов? – Алина.

Сестра попросила постоять с ней, покурить на улице. Потом попросила занести котенка домой, а мне выйти.

Вернулась, ее не было, она выпрыгнула из куста рядом с подъездной дверью и оглушительно засмеялась. Резко прекратила.

А что, если нам не следует жить? – Алина.

Алина, нам следует больше спать. Рыбы, глотайте ртом дым, потому что вам нечем больше дышать. У вас нет альтернатив.

А все-таки, чем мы заслуживаем эту жизнь? – Алина.

Ничем. Не хочу разбираться. Не нравится мне это.

Да ладно. Дурашка ты моя. Да я же шучу.

Дома были свет, чайная кружка с маками, включенный на «Культуре» телик с какой-то программой по разбору провокационного фильма, диван и стенной ковер. Сестра накормила маленького ушастого, попыталась затащить его с собой в кровать, но у нее ничего не вышло. Котик ушел блуждать по квартире. Алина, я пошла умоюсь, убавь звук, спать. Я чертовски устала, рухнула в мягкость.

Ночью тревожная рука Алины решила разбудить меня, я схватила ее.

Спросила:

– Что? Что такое?

Моя сестра – темный зверь, ложится под утро, а спит до обеда, но обычно меня не будит, вот я и смирялась с этим. Она, встревоженная, смотрела у себя в комнате «Сербский фильм» и думала, что ее с картиной связывает.

Говорю:

– Зачем ты это смотришь?.. На улице – ночь, на экране – насилие, Алин, побереги себя, а.

Алина сказала мне:

– Я кое-что знаю.

– И что же?

– В этом мире я несу миссию подопытного зверька...

Натах, не уходи. Подожди. Смотри, я постоянно что-то пробую. Чего тебе больше всего хочется?

- Спать.
- Серьезно. Чего?
- Спокойствия, – я зевнула.
- А я знаю умиротворение. Меня пытаются, меня испытывают, вот смотри, я дичь смотрю, а я спокойна.
- У тебя тремор.
- Кажется тебе.
- И зрачки туда-сюда.
- Тут же темно, ты не можешь этого знать.

Возбужденным шепотом сестра еще много чего говорила о монополии на свою жизнь и о ставках на цветение черемухи, а потом разревелась. Я выключила телик, дала ей валерьянки, чмокнула и ушла. Пусть сама. Не могу больше.

Удар утра мне в голову пришелся в лоб. Кудряшка щекотала нос, а прыгающие на тюле кукурузные кристаллики беспокоили закрытые глаза. Вставать не хочется. За балконом зацвела черемуха, боярыня-холодина. Я любила спать в большой комнате в мае, июле и сентябре. Самые солнечные, самые милые месяцы. Алина же всегда забиралась в подлинно темный угол – крошечную спальню, где коричневый блэкаут загораживал не только свет, но и поступление кислорода, и саму жизнь вообще.

Квартира, трехкомнатная, довольно просторная, досталась нам после смерти бабушки два года назад. Еще раньше мы жили тут все вместе: родители, бабушка, мы. В этом ряду «мы» звучит более чем жалко. Оно давно выпрыгнуло из упряжки и унеслось. Всем умершим не понравилось бы.

В большой комнате, кухне и ванной порядок поддерживала я, все остальное пространство меня не касалось. Главное, чтобы ко мне не ползли крысы и тараканы, остальное на усмотрение сестры. Змеи уж не заведутся.

У меня был угловой диван, который мы купили вместе лет пять назад. Шкаф для одежды – советского времени, шкаф для книг и посуды – тоже давний. Телевизор, компьютер, компьютерный стол. И стол для банкетов тоже стоял у меня в комнате. А еще у меня было тайное место за шторой. В детстве мы с Алиной были там, жили там, дышали там. Все игрушки оттуда со временем убрались, остались книги. На деревянном балконе я вывешивала сушиться белье и курила втайне от сестры. Наши финансы были жестко ограничены, курить позволялось только одной. Например, неделю курит Алина, а я не курю, а потом мы меняемся. Теперь была ее неделя, но у меня всегда была пачка на черный.

Дома все продолжалось прошлым. Сестра негодовала на то, что люди умирают, а вещи остаются. Дай ей волю, она бы сожгла квартиру и все прилегающее вместе с бабушкой. Или мы соорудили бы гробницу, стаскали бы все туда. Я не могла ее утихомирить. Мне было спокойнее, что дома моя история, то, что я когда-то любила, бабушка любила, мама ли. Папа любил детективы серии «Современный российский детектив», они стоят в моем шкафу. И никогда никуда оттуда не денутся.

В распоряжении сестры две комнаты. У себя в голове я называю их «для секса» и «для депрессии». Парней она водила в одну и никогда – в другую. Не знаю, что творилось в первой, я два года туда ни ногой, во второй же только иногда проветривала. Она переклеила там все. Надо было так, чтобы комната стала новой. Так в ней появились желтоватые покрашенные стены и эти стремные тяжелые шторы. Гаджеты и подсветка в потолке. Только подумать, что мы все могли, когда я получала зарплату. Не хочу завтра. Завтра для нас пока закрыто. Дождитесь очереди и пробуйте снова.

Последнее время я глодала кости. Терпела выходки коллег, которые пытались сместить меня. За спиной гавканье, в лицо улыбки. Я поправляла несуществующие очки и упорно продолжала работать. Менять заголовки, придумывать слоганы, расширять границы русского языка. Хотя надо было бы лучше заканчивать юридический или мед. Но у нас с Алиной не было шанса получить вышку, не было на это сил. Смерть за смертью стучалась в двери.

Котенок выполз из-под дивана, начал пробовать мягкую обивку на лапки. Серая шерстка с тонкими черными полосками, серые глазки с тонкими зелеными обручами вокруг зрачка. Приятно, что в квартире живет кто-то, кроме нас. Впервые за долгое время. Свалился на спину, перекатился, смотрит на меня. Пугливо, недоверчиво. Ну, иди сюда, иди, мелкий. Какой же маленький, как же мы тебя еще не раздавили.

– Алина! Ты встала, нет? Кто будет кормить твоего кота?

Взяла на руки, такая невесомая кроха. А глазки-то у нас чуть косят.

– Алина! Ты оглохла, а?

Сонная и недовольная стоит в дверях. Насобирала опять себе синяков на ноги, ходит и ни одного угла не пропускает. Ватрушка похудела до швабры.

На кухне свет, отчего-то пахнет побелкой. Открыла окно, поставила чайник.

Спрашиваю:

– Завтракать будешь?

– Вода пахнет болотом, – пробурчала.

– Так не пей ее.

Сестра положила еду котенку в блюдце. Стоит у окна, думает о чем-то, крутит радио. Маленький прошлепал к миске. Чавкает. Довольный.

Говорю:

– Можем купить тебе обувь. Отложенные есть.

– А старые?

– Рванье. Те, поновее, ты вчера оставила там.

– Сегодня из дома не выйду, – отвечает.

Молчание тухнет, а мне так много надо ей сказать.

Я говорю:

– Поговорим, а? Я уже так не могу. С работой этой у меня мозги кипят. Мне тяжело. Давай купим тебе обувь, пока деньги есть... Надо же двигаться, решать че-то, Алина. Так вечно не может быть.

И она ответила:

– Нет.

– Ну что нет-то?

– Помнишь, как дядь Толя в деревне рассказывал, как он пьяным на тракторе в реку свалился?

«И что мне на это отвечать, Алина? Скажи мне, а?» – думаю. Она меня с ума сводит.

Говорит:

– Так вот, я навсегда в тракторе таком, он продолжает падать, падает каждый день, каждый час, каждую минуту, – вздыхает, радио крутит.

Я спрашиваю:

– Пойдем обувь покупать?

Алина со всей силы ударяет по подоконнику, подпрыгивают бабушкины фиалки, котенок убегает с кухни, а радио продолжает шипеть.

Алина говорит громко:

– Достало! Меня достало это все! Радио поганое. Надо выбросить. Оно не работает, Натах, уже не работает!

Я подхожу к радио, пять секунд – и полилась из динамиков речь. Алина уходит с кухни, где-то в квартире хлопает дверь.

Замечательно. Тихое семейное утро. Я чувствую, как мне в затылок дышит Чума. Она здесь, всегда настолько

рядом, чуть ли не гладит мою ляжку. Нет. Нет. Я еще не сдаюсь.

Я кричу:

– Котейку-то как назовем? Барсиком?

– Неважно, – глухой крик-ответ Алины.

Значит, Бася. Бася, Бася – зову. Да не отзовется он. Теплое радио – будто чье-то присутствие. Нашариваю банку позади круп в ящике на кухне. В ней нет денег... Где деньги. Где деньги?!

Кричу:

– Алина!

Иду к ней в комнату, дверь распахиваю: «Где деньги?» Молчит. Я давно уже прятала свои кредитки и некоторые бабушкины драгоценности у тети Гали, соседки сверху. Она была моим швейцарским банком. Последнюю заначку я не стала относить ей, понадеялась непонятно на что. Как же бесит. Боль во мне распахивает дверь Чуме: пожалуйста, заходите, ноги можете не вытирать, у нас и так грязно.

Алина шипит:

– Не видела денег.

В комнате у сестры пахнет паленым.

– Опять руки жгла?

– Не видела денег.

Говорю на повышенных:

– Несмешно. В банке лежала заначка.

– В банке за крупами? – спрашивает.

Киваю.

– Утащили мышки.

– Ты вмазанная уже, что ли?

– Не выпалась, – буркнула.

– Последние, – я уже чуть не реву, как она так со мной, как она может так.

– Спроси у мышей.

– Дура! – кричу я, хлопаю дверью.

Это были не последние. Я собираюсь, насыпаю котенку еще еды, а то эта забудет. Жаль, что нельзя взять его с собой, здесь же просто невозможно. Долбит в голове, все долбит что-то, руки начинают чесаться. Как же я ненавижу это, дура какая, а, сколько можно. У тети Гали сверху забираю деньги мои, вот это точно последние. Остались только украшения. Неизвестно еще, когда меня рассчитают на работе. И адье, иди, скитайся, ты хорошо работала, но нам такие честные не нужны, нет.

Успокаиваю себя в мыслях котеночком, отдышусь на пыльной улице, потом закроюсь с ним в комнате, пусть там бесится одна. Маленькие лапки и ушки. Кто-то же сказал, что это идеальные земные существа. Молчат.

Самые счастливые те, кто может убежать. Алина повторяет, иногда смакует эти слова, обводит пальцем губы, расплывается в дебильной улыбке – она под кайфом. Хочется ударить ее. Рассеченный рот, алая побежала по подбородку, капает на ее и без того грязную футболку... Сестра опускает голову неестественно, она полумертва. Может, полужива. Я наслаждаюсь видом в полной мере. Потом тащу ее через все комнаты, чтобы все замарать кровью, к балкону, скидываю тело вниз, смотрю, как куст черемухи тормозит падение. Я курю, а труп Алины лежит там, вон там, видите, плачевное зрелище.

Хватит. Хватит, перестань. Солнце мигнуло, асфальт мокрый чавкает, ест мои ноги, дети играют в классики, бабушки высаживают бледные луковицы. Иду, спотыкаюсь, хотя все время смотрю под ноги. Позади коричневой вентиляционной будки, что выходит из автомобильного паркинга, деревья в трансе кивают мне, на миг ловлю взглядом Чуму, моргаю. Там нет никого. Сестра виновата.

Мы росли здесь вместе, в этой зелени, в этом дворе, среди этих гаражей, которых нет, но я их явственно чувствую. Ребенком развиваешься, узнаешь новое, начинаешь что-то по-другому понимать. Местность вокруг тебя

тоже должна расти и изменяться, она обязана эволюционировать. Вместо гаражей пусть поставят фургон с мороженым, как в Америке. Дома выкрасят оранжевым и зеленым, пусть глаз радуется. Дворы должны становиться более красивыми по мере того, как психика из детской переходит во взрослую. Но было не так. Мы росли, а все вокруг скукоживалось. Горка покрывалась ржавчиной, качели не скрипели мило, они стонали в ужасе.

Плевать... Алина без конца ноет, ноет, что устала. Она права не имеет. Не она руководит своей жизнью, а жизнь – ею. Не работает. Живет за мой счет. Как жить... Знаю же, что она попросту стерва. Ее воспитали стервой. Нет... Нам все дали. А потом все взяли... И просто умерли. Они не имели права умирать. Почему, почему так, как могу я все это вывозить сама, мне тяжело... А она, она дрянь. Грызет меня, что устала. Ночью забирает мой телефон, когда на своем деньги кончились, потом хрен вернет, а мне как на работу вставать?.. Найду новый, куплю будильник... Эгоистично, как раз в ее ампула. Она привыкла так. А я? Я же тоже привыкла так. Мне же плевать. Зачем я оставила деньги в банке?.. Надо посмотреть, она могла что-нибудь заложить. Надо порыться в комнате ее. Только как потом выкупать, денег же нет.

Ноги сами дошли до улицы с магазинами. Тут шумно и пыльно, под ногами растоптанный чебурек. Прямо как мои амбиции... Перестану читать паблики в социальных сетях. Надо простить ее, сестра не виновата. На то она мне и сестра, мы бы поодиночке не справились... Она читает папины романы. Поносит их, но читает. Я видела, таскает книжки ночью. Ревет ли?..

Поливаю бабушкины цветы, Алина читает папины романы. Котенок будет играть с маминым вязанием. Жизнь идет своим чередом.

В обувном квохчут чужие бабушки, спорят, какая из двух пар мокасин менее безобразная. На кроссовки

сегодня скидка десять процентов, вот и отлично. Кругом китайское дерьмо, а на нормальные денег нет. Если бы не забавы сестры, ходила бы в нормальной обуви. Виновата сама.

Беру поддельные найки коричневого цвета, надо же, даже подошва прошита... Алина будет ругаться, что они цвета поноса. Ну и пусть, зато грязь не видно. Получаю на кассе ценник – две тысячи рублей, уже со скидкой. Ненавижу свою жизнь.

Решение быть дома позже шести пришло в голову как-то само собой. За углом булочная, там никого никогда нет. Несмотря на то, что продавщица меня знает, кивает холодно, а улыбается криво. Столики здесь потертые, а вот плазма на стене совсем новая. Продавщица ухмыляется на колкие фразочки Шеремета: крокодиловых крокодилов поймали в своем черном болоте, потолок прожжен, всюду смрад, даже нет тараканов... Черный потолок, черный пол, а стены лиловые, наверное. Пространство уходит вширь, а низ и верх давят на тебя. Я становлюсь одной из друзей Алины, я не понимаю, о чем я думаю, я грубею с каждым вдохом асфальтовой пыли.

Мне немножко страшно, я себя не чувствую, заказываю булочку с маком, прошу включить «Дневники Бриджит Джонс», первую часть, пожалуйста. Еще возьму суп, интересно, его готовит вот эта вот или кто-то другой. Ведь у них всегда суп дня. В пекарне. Небо за окном стоит немым, я же хочу, чтобы со мной кто-нибудь поговорил. Продавщица ставит передо мной тарелку с куриным супом, говорит: «И на нашей улице когда-нибудь будет праздник», кивает на экран, где начинается фильм. Кто просил тебя говорить?.. Ладно, она включила кино, на том спасибо, другие бы даже этого не сделали.

Ловлю себя на мысли, покурить бы сейчас, снюхать ли. Пару жирных дорог. Я этого хотела; я этого хочу?.. Решила.

Шикану. Возьму кофе с виски. Совсем не уверена, что он ирландский, но мне же любой пойдет. Я же кто?.. Все заработанные уходило на выживание, оплату коммуналки, тональники и крема. Конечно, кроме тех денег, которые тырила Алина. Почему я так на нее зла?

Бордовая тяжелая пыльная штора, я уткнулась в нее щекой. Она закрывает от меня дорожные дыры, наполненные водой, кривоватые квадраты панелек, пробивающуюся, но уже истерзанную весеннюю зелень. Проходят наркоманы, выпендривающиеся подростки, несчастные и нищие бабушки. Всех их вижу настолько четко, что кажется, будто и не вижу совсем. Я стала бликом.

Внутри я обыкновенно находила чердак или погреб, иногда морг. Мне до изнеможения хотелось осмотреть другие комнаты, я уверена была, что не все люди так живут. Если бы я в прошлый Новый год, в праздник, пошла бы до булочной, а мне бы там кто-нибудь улыбнулся, дела бы пошли в гору. Кто-то мог угостить меня кофе. Кто-то мог подарить мне свой шарф. Кто-то мог бы пригласить меня на каток, пусть в этот дряхлый ЦПКиО, это вообще роли не играет. Когда умерли родители, а потом бабушка, с ними со всеми умерло все хорошее, что могло быть. Я не чувствую любви, точнее, я чувствую полнотелое жгучее пусто. Выйти дайте, да вот негде, только закольцованность. Никто меня никуда не пригласит, я не умна, не интеллигентна, у меня даже нет обаяния. А рожа такая, что... Что? Что? Так. Стандартная русская рожа.

Шла третья часть «Дневников», я редела, съела уже две порции супа, выпила три стакана кофе с виски. Никто не говорил. Никто не выключал фильм. Никто не гнал. Реальность спала. А я успела выдумать такую красивую историю о том, как я уезжаю в Норвегию, знакомлюсь с очаровательным владельцем антикварного магазина, мы расписываемся и ведем дела вместе, он читает мне лекции, чтобы я умнела, Чума отступает. Чума отступает.

А сколько времени?.. Семь. Я извиняюсь у продавщицы за слезы, «разрешаю» досмотреть фильм без меня, расплачиваюсь и убегая от наступающего к горлу вечера. Если темно, то только не по дороге к дому. Не выношу вечера, не занятые работой, всегда кажется, что у меня умирает кто-то. Веет внутри.

Мне ничего не нужно в продуктовом, но я беру пакет вина и творожки. Широкий жест последней роскоши.

Я готова влюбиться в сестру заново, если она бросит наркотики.

Алина,пусти меня! Дверь закрыта изнутри, я не могу попасть домой, болтаюсь на лестничной клетке. Вечно натыкаюсь на захлопнутые ворота, это я такая удачливая, или для всех все офф? Тетя Галя уже спускалась, прошоркала в резиновых тапочках до меня – дочка, все хорошо? Я сижу на ступеньке, лыблюсь, киваю, да, мол, все под контролем. А так, если что, заходи, чай попьем, поговорим. Наверное, так надо было и сделать.

Она открыла мне спустя полчаса. Пунцовое опухшее лицо, ладонью нос трет, чешется, голова завернута в полотенце, слоеная трубочка со взбитыми сливками. Вспоминаю, какими мы были когда-то чистыми: не пили, и не курили, и зубы чистили вовремя. Говорю это вслух. Она кивает. Думаю еще, какое лицо у нее некрасивое стало после каждодневных кутежей, не говорю этого ей. Не надо. Мутный взгляд какой-то, Алина, ты курила?

Она на кухню тянет меня, понимаю, что-то не так. Жженое в воздухе. Ты поджигала руки? Кивает. Не-ет. Иду в гостиную, около дивана лужа, пахнет пивом, нет, не лужа, это целый пивной океан, хоть сейчас заплывай. На ковер не попало?.. Ты же знаешь. Алина, ты же знаешь правила? Алина? Сядь. Посадила ее на кресло. Что это?.. Ревет. Нет, слушай, ты не революция, ты не костер и не бензин даже, ты – разочаровавшаяся идея.

Бульбик валяется на диване.

Знаешь. Когда уходила, я думала, что все будет хорошо. Я приду, а мы помиримся. Вот, новые кроссовки... Какого черта ты курила у меня в комнате? Ты знаешь, что это важно?.. Я не смогу тут спать.

Где раскладушка?! Где чертова раскладушка? На, тут еще творожки и вино. Все, хватит, хватит с меня твоих слез и угрызений совести, ты – дура. А, ты в курсе. Так, один шаг к решению проблемы – ее осознание. Мне нужна раскладушка, я поплю на кухне... Все изгадила. Пепел по всему столу, ты! Боже, меня уже трясет, почему я, почему я, почему я должна все это убирать? Я же не должна... А кто?! Кто уберет? Ты, что ли?

Она перелилась на диван, скукожилась в углу. У нее футболка цвета обивки, мягкость обняла ее, гладит по голове. Невыносимо тяжело, я хочу развидеть этот срач. Сажу на стуле, обхватила руками шею, вспомнила, как в иной жизни бабушка связала желтый свитер с салатными бусинками, крохотными, я пошла в нем в школу – меня отругали, почему я не в форме. В тот день Алина залила мой свитер кефиром из зависти. Вот так. Я не говорю этого вслух. Мне неинтересно с ней разговаривать... Но надо же что-то решать.

Спрашиваю:

– Так, кто здесь был?

Скороговоркой отвечает, ребенок детсадовский, соп-ли сглатывая:

– Андрюша. Он приходил, мы покурили, я не помню, почему здесь все, сначала в комнате у меня, а потом не помню ничего, дурь какая-то... Сильная трава. Ты же знаешь, мне Андрюша нравится... В него бес вселился, мы сидели тут, свет выключили, только лампа, вообще мне реально было хорошо, это круть... Он еще уходил куда-то, в те комнаты, я тут... И потом он меня за руку

схватил, бес вселился, ну, на пол свалил меня. И пивом облил.

– Чего? Просто так?

– Ну еще это...

– Все говори.

Сестра еще больше в угол зажалась, плачет, трет глаза. Лепечет:

– Пиво открыл, я на полу сидела, он сверху на меня лил... Я редела и кричала, чтобы он прекратил... Он говорил, что я шлюха и тварь полная, что вообще я должна бесплатно всему району давать, прямая обязанность... И ударил меня вот, вот здесь, – показывает на правую щеку, опухшую чуть больше, чем левая.

Я ей должна что-то отвечать на это? Типа, Алиночка, все будет хорошо? Ты уронила полностью, не, ты потопталась сама же на своем человеческом достоинстве. Ты официально никто. Тебя нет.

Говорю:

– Тебя нет, Алина.

Спрашивает испуганно:

– Зачем ты сказала?

– Почему я всегда должна тыкать тебя носом в твое же говно?.. А ты кормила котенка?

– Я забыла, прости.

Так и знала, нужен он ей. Да и я хороша тоже: не зашла в зоомагазин, не купила нормальный корм. Вот интересно, что мы будем давать пушистику, если самим есть скоро будет не на что.

Спрашиваю:

– А где он?

– Не видела давно. Испугался, да?

– Ты ела что-нибудь?

Отвечает:

– Нет.

– Сопли вытри, иди пожарь яичницу, я ката искать. Потом уборка.

Алина встала, аккуратно обошла лужу пива, засуетилась чего-то, ведет себя как наказанная школьница. Я покискала в гостиной, пошла проверять кухню. Коридор прошарила, тоже нигде нет. Маленькое создание забилося в темноте, чтобы не видеть местных ужасов, вот и все.

Или не все. Ванна была вся в дыму, у нас хреново работает вентиляция, видимо, Андрей тут курил. Крохотное серое тельце лежало на резиновом коврикe без движений. Полуоткрытые глазки и такие маленькие смешные лапки. Я опустилась на пол. Так хотелось завывать. Процарапать сквозь бумагу, металл и бетон ход наружу. Уйти навсегда, развидеть и забыть.

Кричу:

– Алина!

Сестра прибегает. Даже не сняла еще полотенце с головы.

Говорю:

– Все в дыму. Тут нечем дышать.

Она опускается рядом со мной на колени:

– Смерть пытается добраться до нас, да?

– Мы убили невинного ребенка, – говорю ей.

– Наверное, Андрей накурил его.

Мы не люди. Мы неведомые звери. Мы опустошаем пространство вокруг. Мы срем и радуемся, что у нас хорошо выходит.

Почему его, почему его, не меня?.. Басенька, слишком рано.

Плакали, улыбаясь. Мы положили его в коробку изпод обуви на мамину пряжу. Алина натаскала в коробку своих любимых невидимок. Это походило на дурной ритуальный обряд, мы держались как могли. Наркотики –

убивающая иллюзия счастья. Просыпаясь, ты видишь перед собой Чуму, а тишина вокруг ехидно смеется. Я не хотела этого.

Алина шептала (почему шепчет?):

– Наташ, я помню, как мы возвращались с бабушкой на такси тогда. Мне не верилось. Будто пожеванный металл связывается с нашими родителями. Они должны были выпрыгнуть на ходу и улететь, да?.. Кровь и железо, а потом за окном такси мелькали эти... Рекламные плакаты. Ипотека. Новые коттеджи. Корм для животных. Я помню каждый по очереди.

Отвечаю:

– Я помню, бабушка плакала. Мы молчали. Нас не позвали на опознание, почему?.. Там же были наши родители.

Шепчет:

– Вот смешно, да?.. Ты едешь домой, в своей машине, скорость нормальная, дорога ровная... Из-за поворота вылетает пацан, который только купил тачку, решил напиться.

Отвечаю:

– И тебя нет больше. Тупой анекдот. Ты воспитываешь детей, покупаешь новую сковороду, а в этом нет смысла. Все обрывается так смешно и быстро.

– Я заварю чай, – говорит громко, соскакивает со стула.

Она ставит передо мной кружку. Мы такие дети. Мы закопали маленького на заднем дворе дома, где побольше кустиков, чтобы собаки не пролезли.

Алина спрашивает:

– Мы же там не котенка закопали, да?

Чай горячий слишком. Я не хочу ни о чем думать.

Алина:

– Наташа, отвечай. А давай... Давай так. Я не могу так больше. Ты думаешь, я не знаю? Думаешь, мне легко? Ты работаешь, я веселюсь... Но я не веселюсь. Мне больно.

Мы должны вместе, как ты говорила. Я хочу все бросить. Мы продадим квартиру и уедем.

Я отвечаю ей сквозь слезы:

– Мы навсегда тут. Ты не поняла?

Сестра молчит, ей не понравился мой ответ, недовольно ерзает на табуретке... А вдруг получится, она бросит все гадости. Мы уедем, далеко-далеко, где сможем купить дом и ухаживать за овцами.

Легонько начинаю:

– А мы купим дом с овцами?

Безумная радость у Алины в глазах, кидается ко мне, обнимает.

– Купим же! – кричит.

Мы бросим все сразу. Курить, наркоманить, пить. Мне будут нужны обезболивающие и таблетки для желудка, будет нелегко. Ты pomoжешь мне? – Алина. Мы должны будем переварить все ситуации, ватрушка, я не могу так больше. Ты права, мы должны больше разговаривать. А еще найти бы психолога, да? Ты pomoжешь мне? – Алина.

Потом сестра говорит серьезным тоном:

– Ты давно не отдыхала нормально, ватрушка. Предлагаю устроить прощальный вечер. Поедем тусить. А завтра стоп.

Если она к этому все вела, я готова выброситься с балкона к Барсику прямо сейчас. Я просто хочу надеяться, что вся эта слезливая речь не для того, чтобы выпросить у меня деньги на скорость.

Смотрю ей в глаза:

– Ты сама-то веришь, что так заканчивают? Завтра точно будет стоп?

У нее во взгляде нет растерянности, решительное сестрино «точно». Я верю в это? Я верю в это?!..

Оказывается, у нее есть грамм на черный день. Это было бы очень милым фактом, если бы не было остальных

обстоятельств. Нам будет много этого, надо как-то незаметно сыпануть часть в унитаз, а то Алинин вечер может закончиться в скорой. Получается, она не хотела выпросить у меня деньги. Действительно все?..

Краем глаза весь вечер вижу Чуму в углу кухни. Иногда мне кажется, что комната начинает пульсировать. Вены на стенах кухни... Брать или не брать?.. Это же неуважительно по отношению к котенку. В голове капает кран, некому сменить прокладку.

Занюхаем же смерть! Мы сидим такие интересные, накрашенные и со стрелками, в новых платьях из секунда, ждем такси. Сестра чертит банковской картой белые дорожки на кухонном столе.

Говорит:

– Мы же купим другую клеенку на стол? Эта вся в соли.

Отвечаю:

– Купим.

Не вполне осознаю, что я делаю. Как со стороны стало все видно.

Сестра спрашивает:

– Или тебе колпаком удобнее?

– Черти уже.

Снюхиваем, в носу горечь непереносимая, я чихаю, Алина смеется. Белая мука поднимается облачком над столом от моего чиха. Такси приехало, мы бежим к нему, как к кораблю Ноя. Добрый вечер, доведите с ветерком. Огни за окном мягко проникают внутрь, обволакивают душу, я чувствую прилив сил, переливающимися волнами он топит меня в себе же. Мне хочется все выложить сестре, что у меня есть, что скопилось, а еще обсудить, почему реклама со стендов кажется такой манящей... Реклама. Алина спрятала зип в лифчик, там не найдут.

Я ведь совсем не хочу в клуб, мне непременно нужно оплакивать смерть кота. Мы говорим с сестрой о том,

что он был таким маленьким и пушистым, он совсем не заслужил смерть, ее заслужили мы. Но не будем об этом. Давай поговорим, каких животных заведем, когда переждем. Мы будем о них заботиться, Алина, загугли, какой именно корм едят овцы, у нас же не альпийские луга, чтобы они довольствовались травой. Наверное, сено надо заготовливать. Ты опять проболтала все деньги на телефоне?.. Я никогда не чувствовала себя лучше, чем сейчас, сестренка, я так люблю тебя, послушай, ведь я и мир люблю. Мы совсем единые... Давай я посмотрю. Кукурузный силос, смешанный с грубыми кормами и бобовым сеном... Чуть какая-то. Где мы возьмем бобовое сено?.. А еще кого ты хочешь, Алина? Почему ты смеешься? Грубые корма – это сено, так, солома, сенаж... У меня руки трясутся. Экран телефона кажется больше. Когда мы выходим?.. Нет, не отбирай у меня телефон, мне интересно узнать все об этом новом мире, в котором раньше меня не было.

Чума отступила, я так этому рада, она перестала маячить за каждым углом. Послушай, я хочу такие же шторы у нас в доме, желтые, как у прабабушки были, помнишь?.. А, мы выходим. До клуба пять метров, мне так хорошо, я готова всех обнимать, только сердце сильно колотится, я стараюсь не слушать его. Алинка на паранойе, думает, что найдут эску. Но при шмоне ничего не нашли... Мы внутри.

Мы внутри звенящей темной машины, мы в самой утробе, только почему так громко, сестра, ведь мы не сможем разговаривать!

Алина кричит:

– А ты не говори! Ты танцуй!

Она кидает меня в эпицентр скопившихся потных тел, мне не очень это нравится. И на самом деле мне и музыка такая не нравится, она в обычное время вовсе пугает.

Будто выворачивает тебя, нутро наружу. А сестра отрывается как может. Она скачет под это техно, будто оно было создано для нее. Я закрываю глаза... Тун-тун-тун. Вот и вся незатейливая мелодия. Покачиваюсь. Меня тошнит.

Кричу:

– Алина, меня тошнит!

Кричит в ответ:

– Непутевая!

Идем в туалет, там сестра достает сигареты. На фильтре есть ямка, ею она зачерпывает эску, снюхивает. Целый колпак, алле. Брала бы по половине хотя бы. Мне она дает меньше, я втягиваю в себя, тошнить начинает больше. Унитаз рядом, кидаюсь к нему, из меня выходят яичница, все, что я пила, и, кажется, часть желудка. Ненавижу это.

Умываюсь, смотрю на себя в зеркало, чувствую свою всесильность.

Недовольно бурчу:

– Алина, я ненавижу, когда меня тошнит. Я ненавижу, когда меня рвет. Ты знаешь!

Алина смеется, отвечает:

– Кушать надо было меньше.

Так чертовски жжет нос. Проверяем обе, нет ли под ноздрями муки. Все ок. Мы выходим из туалета, выходим из клуба покурить. Сигареты кажутся неинтересными, ждешь от них одного, а получаешь ничего.

Рассказываю сестре, как хочу обустроить дом, каким должен быть наш быт, чем мы должны заниматься. Задумываюсь о мельчайших деталях, мне это доставляет как ничто никогда до этого. Мы болтаем без умолку, иногда в приливе чувств обнимаемся.

Второй раз заходим в клуб, он мне уже не кажется столь неприятным, я начинаю схватывать атмосферу. Кажется, что я стопроцентно ей подхожу. Свет белый, мерцающий,

а комната красная. С черными полосками на потолке. Эти полоски как вены, как пульсирующие венки, я начинаю задумываться о прошедшем дне, о потерянной работе... Стоп. Тун-тун-тун. Алина рядом танцует, руки взлетают вверх, барахтаются там, потом опускаются. Будто дельфины появляются из воды на несколько секунд. Мне хочется поделиться своими мыслями, я выдергиваю Алину из психоделической кашицы тел, кричу, что все, поехали домой.

Сестра мне в ответ:

– Пешком пошли!

Во время часовой внеплановой прогулки мы только разговаривали. Все время перебивали друг друга. Нас захлестывали эмоции, мы не могли выбрать наиболее важную тему, потому что все они были значимыми. В каком-то парке в кустах снюхали еще по колпаку, потому что меня начало колотить от холода, одеты мы были совершенно не по погоде. Интересно, что холод не чувствуется, на него реагирует только тело. Так, дома я обнаружила свои пальцы на ногах синими.

Мне было лучше, чем когда-либо. Я не могла подумать, что так можно. Не чувствовать стеснения, плыть в ритме этого мира, не обращая внимания на голод, холод и остальные пакостные вещи.

Только под конец пути, когда мы уже подходили к дому, я начала замечать, что что-то не так. У сестры слишком сильно тряслись руки и бегали зрачки.

Я спросила:

– Ты как, ватрушка?

– Мне надо еще, много. Ранние отходняки. Но я не хочу домой. Мне дома страшно. Давай не пойдем? Просто не пойдем? Во дворе посидим.

Мы пошли домой. Она села в гостиной на пол, прижалась к батарее, быстро шептала:

– Как приятно щупать батарею, особенно когда у себя не топлено. Не тепло. Просто нечем платить. Я люблю водку, но только не и на краткосрок.

– Что ты имеешь в виду?

Я сделала ей две жирные дороги. Потом ее трясло еще сильнее. Я заварила ей чай. Она ходила вдоль стен и терлась об них, сказала только, что тетя Галя нас наверняка подслушивает. Я пыталась скормить ей валерьянку, но она только недоверчиво на меня зыркала. В это время и меня начало потряхивать. Сестра говорила, что лучшее средство с отходосов – это водка. Только не переусердствовать, а то можно словить обморок.

Алина начала перерывать какие-то бумажки, я не могла понять, что она делает. Наконец она уселась на диван, просто смотрела, просто смотрела, просто смотрела. На меня. На стену. На дверь. Я не ждала этого, это был какой-то дурной финал батл со смертью. Мне так казалось. Я не представляла, что творилось у нее в башке. Она сходила умыться, начертила себе еще.

...

Алиночка, родная моя, мы должны держаться вместе, слышишь, слышишь, несмотря ни на что, у нас же никого нет.

Я смеялась и плакала, обнимала ее, такую дурочку.

Она снюхала дорогу. Алина, надо отпустить всех мертвяков, надо вместе держаться.

Она заревела, как маленькая девочка, у которой все отняли, я успокаивала ее.

Что делать, если где-то там, среди густых серых-серых облаков, распорядились так. Чтобы все умерли. Чтобы родители разбились на машине. Чтобы бабушка разболелась от горя.

Алина, мы должны держаться вместе, дай мне руку, в этой руке уже все есть, нам ничего и никого не надо, родная, ничего и никого. Мы справимся.

Алина снюхала еще одну.

Я не удержалась и вместо водки взяла еще колпак.

Я не понимаю, что произошло. Ей вроде бы стало легче. Мы продолжали говорить, какой прекрасный построим дом, какие прекрасные у нас будут мужья, как мы будем счастливы. Как заведем много котят породы шотландская прямоухая.

Внезапно она отстранилась совсем, глаза бегали совсем ненормально, я испугалась. Она выбежала вон из квартиры. Я бежала за ней.

Я бежала за ней в этой темноте кустарных дворов, бежала, потому что не могу оставить ее одну. Бежала, потому что не за кем было больше бежать. Мы оставили квартиру незапертой. Но что случилось?.. Почему так? Сердце колотится. Я не могу перевести дыхание.

Алина не хочет, чтобы я к ней подходила.

Бедная металась из угла в угол. Мне было страшно на нее смотреть. Подслеповатые фонари вырезали ее тонкий силуэт на фоне серой бетонки. Алина взяла камень. Я говорила ей – пожалуйста, пожалуйста, родная, иди сюда. Родная не хотела. Еще я кричала – я не хочу, чтоб ты мучилась, дура, это все бред, бред в твоей голове. Ее трясло. Я не понимала, где она была в этот момент. На улице лужи еще зимние почти, а она выбежала в летних шортах. Босиком. По пути споткнулась, разодрала коленку. Я продолжала громко кричать – Алина, ты просто пережавала, слышишь, Алина. Сестра меня не слышала. Где она была?.. Она взяла камень побольше. Чума стояла поодаль от сестры. Кого она ждала?.. Это был двор школы, куда мы обе в той жизни ходили, где мы смеялись

и встречались с мальчиками, где мы были девушками, пахли девушками, чувствовались девушками. Не как сейчас. Алина улетела, а я заплакала. У нее ступни кровили, она бегала по весеннему асфальту. Вены на руках вздулись, а взгляд ходил туда-сюда.

Алина кинула в меня камень. Зачерствела темнота.

Ночью вчера страшно стало. Почудилось, будто Бася зашел в комнату. Маленький. Но чего бояться?.. Слезы градом.